

УДК 004.8+141.32+159.956

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-394-407>

EDN: AQXUWF

Поступила: 05.01.2026

Принята: 27.02.2026

Опубликована: 01.10.2026

ТЕНЕВОЙ КОМПОНЕНТ ТВОРЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ, ИЛИ МОЖНО ЛИ ЗАПРОГРАММИРОВАТЬ ИНТУИЦИЮ?

Биричева Екатерина Вячеславовна

Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург)

Современные дискуссии о моделировании человеческого творчества в искусственных системах во многом строятся вокруг проблем недостаточной концептуализации таких феноменов, как воображение, понимание, вдохновение и т. п. Большинство исследователей при этом подчеркивает ключевую роль интуиции в творческом процессе. Однако трактовки специфики данной способности далеки от единства в плане понимания ее сущности, отнесения к сознательным или бессознательным явлениям, рациональным или чувственным аспектам и т. д. Концептуальная пестрота обусловлена отличием интуиции от последовательного дискурсивного мышления, поскольку она срабатывает как «мгновенное» целостное постижение сути интересующего, а моменты озарения нередко случаются во время отдыха или переключения на другие виды деятельности. В связи с этим современные исследователи все чаще задумываются о роли бессознательных процессов в творчестве и ставят вопросы о принципиальной возможности искусственной имитации интуиции. В настоящей же работе предпринимается попытка прояснения оснований и систематизации условий интуитивного мышления в опоре на экзистенциально-феноменологический подход, который позволяет исследовать такие неоднозначные феномены во всей их полноте и парадоксальности. В такой логике проводится понятийный и герменевтический анализ интуиции, ее сопоставление с другими элементами и «слоями» творчества. Делаются выводы о «прописке» интуиции в ряду индивидуальных, коллективных, сознательных, бессознательных, рациональных и иррациональных аспектов психической жизни и условиях проявления интуитивного мышления. Это, в свою очередь, позволяет оценить возможности моделирования интуиции в искусственных интеллектуальных системах.

Ключевые слова: интуиция, творчество, искусственный интеллект, ИИ, интуитивное мышление, дискурсивное мышление, творческие способности, понимание смысла.

Для цитирования:

Биричева Е.В. Теневой компонент творческого мышления, или можно ли запрограммировать интуицию? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 3. С. 394–407. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-394-407>. EDN: AQXUWF

THE SHADOW COMPONENT OF CREATIVE THINKING, OR CAN INTUITION BE PROGRAMMED?

Ekaterina V. Biricheva

Institute for Philosophy and Law, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)

Contemporary discussions about modeling human creativity in artificial systems largely revolve around the problems of insufficient conceptualization of phenomena such as imagination, understanding, inspiration, etc. Most researchers emphasize the key role of intuition in the creative process. However, interpretations of the specifics of this ability seem to be far from unity in understanding its essence, intuition is referred to conscious or unconscious phenomena, rational or sensory aspects, etc. This conceptual diversity appears to stem from the differences between intuition and consequent discursive thinking, as the former acts as a “momentary” holistic comprehension of the essence, while insights often occur during rest or when switching to other activities. Contemporary researchers tend to increasingly address the role of unconscious processes in creativity and raise questions about the fundamental possibility of artificially simulated intuition. The present article attempts to clarify the grounds and systematize the conditions for intuitive thinking using the existential-phenomenological approach, which enables the exploration of such ambiguous phenomena in all their entirety and paradoxicality. Within this framework, we have conducted a conceptual and hermeneutic analysis of intuition, comparing it with other elements and “layers” of creativity. The article provides conclusions regarding the “localization” of intuition among the individual, collective, conscious, unconscious, rational, and irrational aspects of mental life and also regarding the conditions under which intuitive thinking occurs. This, in turn, allows for assessing the potential for modeling intuition in artificial intelligent systems.

Keywords: intuition, creativity, artificial intelligence, AI, intuitive thinking, discursive thinking, creative abilities, understanding of sense.

To cite:

Biricheva E.V. [The shadow component of creative thinking, or can intuition be programmed?]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 3, pp. 394–407 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-3-394-407>. EDN: AQXUWF

Введение

В современных философских и психологических исследованиях, пожалуй, сложно выделить более парадоксальный объект изучения, чем интуиция. При том, что литературы об этом феномене достаточно много, нельзя сказать, что по поводу природы, механизмов осуществления и возможностей развития интуитивного мышления достигнуты ясность и согласие. Определения различных авторов пестрят непересекающимися значениями «от смутного полусознанного “предчувствия”, близкого по своему характеру и форме проявления к психофизиологическому инстинкту животных, до высших форм твор-

ческого мышления, имеющих место в науке и искусстве... это и “ид знания”, и “специфическая способность”, и “особое чутье”, и “догадка”, и “мгновенное восприятие” и даже “фантазия”» [Ильин Е.П., 2009, с. 67]. Одни направления относят интуицию к сфере бессознательно-го, объясняя, в том числе, этим сложность изучения законов ее функционирования [Бондаренко А.В., 2024, с. 133; Кичеев А.Г., 2002, с. 248; Корнеев С.С., 2024, с. 67–68; Мэй Р., 2015, с. 61, 64, 71; Пуанкаре А., 1983, с. 314–315; Чащегорова Н.А., 2009, с. 72]. С точки зрения других, это феномен рациональный, просто отличающийся от дискурсивного мышления (последовательного разворачивания логических вы-

кладок) [Евстропов В.М., 2023, с. 285; Кочергин А.Н., 2009, с. 53; Монаков П.А., 2010, с. 117; Полани М., 1985, с. 37–38]. В литературе дается множество различных классификаций видов интуиции — по сферам ее применения, уровням осуществления, связи с чувственным опытом и т. п. [Ильин Е.П., 2009, с. 77–79; Корнеев С.С., 2024, с. 68–69, 71–72]. Ряд исследователей, напротив, полагает, что природа интуиции едина независимо от того, проявляется она в математике, практике психолога, художественном творчестве или иной деятельности, требующей креативности [Мэй Р., 2015, с. 58–73; Карпенко И.А., 2023, с. 76].

Также продолжают дискуссии о принципиальной возможности моделирования человеческого творчества, элементы которого, в частности интуитивный, пока далеки от стройной концептуализации. Тем не менее, некоторые авторы уверены, что интуитивное мышление можно запрограммировать, например, объяснив данные процессы в русле объединения коннекционистского и символистского подходов нейрофизиологии и когнитивистики [Ильин Е.П., 2009, с. 55–56; Кичеев А.Г., 2002, с. 257–258; Кочергин А.Н., 2009, с. 53]. Между тем, еще в начале XX столетия один из величайших математиков, Анри Пуанкаре, резко отказывал любой «машине, как бы совершенна она ни была», в возможности проявления интуитивного мышления даже в, казалось бы, такой логично-рациональной сфере, как математические исследования [Пуанкаре А., 1983, с. 316]. В этом же плане философы науки замечают, что такой редукционизм (сведение мыслительных феноменов к материальным коррелятам их осуществления) ничего не говорит о *смысле* актов творчества и интуитивного понимания [Карпенко И.А., 2023, с. 75; Полани М., 1985, с. 192, 216]. Их значение не выводится из соединений нейронов, иных биохимических или электронных процессов самих по себе так же, как из одного только теоретического описания работы мышц при катании на велосипеде невозможно было бы понять смысл катания.

Таким образом, предлагаемые теории не снимают, но, скорее, заостряют проблемы сущности интуиции, ее роли в творчестве, «прописки» в бессознательном или в ряду сознательных

феноменов, возможностей ее искусственного моделирования и т. д. Подобные вопросы и составляют исследовательский интерес данной работы, актуализируя необходимость корректировки взгляда на природу интуитивного мышления с учетом всей его полноты и парадоксальности. Постановка задачи обуславливает выбор методологического подхода, способного начать исследование интуиции «с чистого листа», не отбрасывая имеющиеся представления, но критически примеряя их к анализу реальной практики творческой деятельности. Без предварительных схем готов иметь дело с «дикими» феноменами в естественной среде их осуществления экзистенциально-феноменологический подход в его широком смысле (как, например, он применяется в трудах отечественных мыслителей — М.М. Бахтина, М.К. Мамардашвили, В.В. Бибикина и др.). Данный ход позволяет, с одной стороны, не игнорировать ни одно из проявлений противоречивых и неоднозначных феноменов, отталкиваясь, прежде всего, от их онтологического основания, с другой, вести рассмотрение не на сугубо теоретическом уровне, а исходя из полноты переживания реальных актов интуитивного постижения. Хотя для подобного исследования не существует готовых рецептов, все же удобным представляется организовать структуру настоящей работы, отталкиваясь от анализа понятия интуиции, затем рассматривая ее «локализацию» в ряду психических феноменов и, наконец, придя к проблеме возможности моделирования данного аспекта творческой деятельности.

1. Понятие интуиции в контексте творческой деятельности

С необходимостью предполагая создание *нового*, само понятие творчества является дискуссионным: большой вопрос, что считать «новым», на какие критерии при этом опираться [Биричева Е.В., Стерхов Е.В., 2019, с. 392–395]. Однако не будет ошибкой сказать, что человеческое творчество отличается «производством смысла» [Биричева Е.В., Стерхов Е.В., 2019, с. 394], поэтому проявляться может не только в науке, философии и искусстве, но и в инженерии, менеджменте, торговле, построении отношений в обыденной жизни

и т. д. Отметим также, что, несмотря на концептуальную пестроту поля изучения интуиции, все исследователи подчеркивают ее ведущую роль в творческой деятельности: это буквально то, без чего невозможно человеческое творчество в любой сфере [Кичеев А.Г., 2002, с. 257; Корнеев С.С., 2024, с. 67; Монаков П.А., 2010, с. 117; Пуанкаре А., 1983, с. 163]. Кроме того, большинство склоняется к различению интуитивного постижения и дискурсивного (логического) мышления [Ильин Е.П., 2009, с. 61–70; Монаков П.А., 2010, с. 117; Полани М., 1985, с. 191–192; Пуанкаре А., 1983, с. 165–167; Чащегорова Н.А., 2009, с. 72–73]. Наконец, важным общим моментом является обращение внимания на целостный характер интуитивного понимания, в котором используется «глобальная и всеобщая перспектива» [Чащегорова Н.А., 2009, с. 73] и схватывается суть интересующего объекта или явления во всей полноте [Бондаренко А.В., 2024, с. 133; Евстропов В.М., 2023, с. 285; Кичеев А.Г., 2002, с. 248; Полани М., 1985, с. 191; Пуанкаре А., 1983, с. 165–166, 311]. К этому отсылает и распространенное словарное значение, определяющее интуицию как «непосредственное постижение сущности вещи» [Чащегорова Н.А., 2009, с. 71]. Тем не менее, из подобных общих мест и определений неясно, как происходит это «непосредственное постижение» и почему ряд исследователей постулирует, что пошаговое разворачивание логики само по себе не способно вывести к новому, т. е. обеспечить творческий компонент деятельности [Корнеев С.С., 2024, с. 67; Полани М., 1985, с. 191; Пуанкаре А., 1983, с. 163].

С одной стороны, пожалуй, не совсем корректно утверждать, что новое не создается последовательным конструированием, например, образа в искусстве или теории в науке. Писатель может постепенно прорабатывать персонажа, продумывая его черты, реакции на события, возможные поступки и т. п. В науке не меньшая доля творческой деятельности заключается в планомерном построении как теорий, так и способов их эмпирической верификации. С другой стороны, за всем этим «в тени» стоят акты мгновенного постижения сущ-

ности *нужного* — хода исследования, природы изучаемого, замысла произведения, художественного образа, вписывающегося в этот целостный замысел, и т. д. Поэтому важно различить несколько «слоев» творчества, которое в своем ядре не обходится без схватывания смысла, но на огромную долю состоит в подборе средств для его выражения и шлифовке способов указания на схваченное [Бибихин В.В., 2005, с. 23–26]. Так, каждое действие в настоящем творчестве осуществляется *в свете* понимания смысла как общего пространства, в котором происходит работа, так и конкретных идей, образов, их констелляций, которые необходимо выразить, вписав их в этот целостный контекст. Занимаясь содержанием своей работы, ученый или художник может не отдавать себе отчет о том, что обеспечивает саму возможность успешных шагов в заданном направлении. Так, может показаться, что творческая деятельность сводится к последовательной проработке различных элементов, складывающихся в общую картину. Однако рефлексия самих творцов возвращает к ключевому фактору, запускающему успешную фазу их работы, которая оформляется в некоторый значимый результат, а не вязнет в черновых прикидках или переборке комбинаций.

К примеру, А. Пуанкаре, рассуждая об этом, начинает с вопроса, почему некоторые вполне неглупые люди могут не понимать математических доказательств, хотя последние выстроены предельно логично, а большинство и вовсе не способно открыть новое в математике при всей ее стройности и рациональности [Пуанкаре А., 1983, с. 309–310]. Дело в том, что творчество и понимание не сводятся к чисто механическим операциям. Как объясняет Пуанкаре, «математическое доказательство представляет собой не просто какое-то нагромождение силлогизмов: это силлогизмы, *расположенные в известном порядке*, причем этот порядок расположения элементов оказывается гораздо более важным, чем сами элементы. Если я обладаю чувством, так сказать, интуицией этого порядка, так что могу обозреть одним взглядом все рассуждения в целом, то мне не приходится опасаться, что я за-

буду какой-нибудь один из элементов; каждый из них сам по себе займет назначенное ему место без всякого усилия памяти с моей стороны» [Пуанкаре А., 1983, с. 311]. После того, как целое было увидено, следует фаза проверки, доработки, детализации, которая может быть достаточно длительной по сравнению с моментом озарения, но уже не предполагает такого напряжения, как на этапе поиска решения [Пуанкаре А., 1983, с. 313–314]. Безусловно, подобное целостное понимание дизайна исследования и каждой его части характерно для ученых не только в области математики. Известный физхимик и постпозитивист Майкл Полани говорит о том же: «Чередование “интуиции и вычисления” асимметрично, ибо формальный шаг может быть узаконен только благодаря нашему молчаливому его подтверждению» [Полани М., 1985, с. 192]. Такое понимание, пусть не всегда рефлекслируемое, но являющееся «бэкграундом» творческого процесса, высвечивающее его направление, и называется интуитивным. Что касается искусства и любой другой творческой деятельности, «взвешивание» на «то» — «не то» [Бибихин В.В., 2005, с. 24] и «молчаливое подтверждение» *подходящего* также сопровождает каждый акт действительного понимания и выражения понятого.

В связи с этим интуитивное схватывание важно отличать от догадок, фантазий и предположений, которыми человек старается «закрыть гештальт» в случае чего-то непонятного или недостроенного в представлениях. Выдумать можно любое из *возможного*, но если речь идет о понимании чего-то в *действительности* (а настоящее искусство также на это нацелено, не являясь лишь фантазиями для развлечения), то создаваемый в процессе творчества конструкт должен будет соответствовать смыслу реального положения дел, на который творец указывает своим произведением. Предположения же являются продуктами намеренной работы в воображении, когда недостающие элементы либо достраиваются по аналогии с известным, либо составляются в качестве нестандартной комбинации [Густова Е.В., 2024, с. 51; Ильин Е.П., 2009, с. 53–54; Чащегорова Н.А., 2009, с. 73–74]. Когда они

оказываются неверными, в обыденном смысле говорят: «Чутье подводит», «Интуиция подвела». К примеру, можно буквально выдумывать истории, стоящие за той или иной непонятной ситуацией в отношениях, «навешивать ярлычки» на людей, как и строить любые научные гипотезы о неизвестной природе изучаемых явлений. Без проверки такие догадки рискуют оказаться непродуктивными, ложными, неуместными, тогда как настоящая интуиция схватывает суть и сопровождается ощущением «попадания в лунку», т. е. правильности, достоверности постигнутого, схваченности нужного [Густова Е.В., 2024, с. 51; Ильин Е.П., 2009, с. 54]. Поэтому упражнения по развитию интуиции не должны сводиться лишь к тренировке воображения, как это предлагается некоторыми авторами (например, [Монаков П.А., 2010, с. 118–119]). Напротив, интуитивное мышление предполагает чистое видение реальности в противоположность набрасыванию схем, способных исказить действительность или затемнять ее непосредственное понимание [Биричева Е.В., 2023б, с. 9–13; Корнеев С.С., 2024, с. 70]. Таким образом, если интуицию и можно развивать, то скорее путем снятия стереотипов и «торможения» ходов мысли, спешащих закрыть удобными непротиворечивыми картинками зияющую полноту и парадоксальность реальных людей, феноменов, объектов, ситуаций.

Итак, интуитивное постижение осуществляется не путем конструирования — не важно, логического или образного, — но мгновенным видением смысла основных моментов не проясненного до этого положения вещей. Не случайно в языке состояние переживания интуитивного понимания (озарение) связано с высвечиванием невидимого, переходом от темноты непонимания к ясному видению. Этимологически «интуиция» происходит от лат. *intueri* — «всматриваться», «пристально, внимательно смотреть» [Ильин Е.П., 2009, с. 64]. Перевод был осуществлен с др.-греч. *ἐπιβολή*, «целостный взгляд сверху» [Словарь «Глаголь»], которое применялось в классической и поздней Античности для различения мгновенного схватывания сути и последовательного логического рассуждения. Приставка *ἐπι* озна-

чает «над» (как в «эпиграф»), а *βολή* — «бросок» (как в «символ»), поэтому интуиция предполагает «пробрасывание» освещения над всей интересующей областью для достижения целостного видения ее истинной сути в общих чертах. Именно *ἐπιβολή* имеет коннотации «озарение» и «мгновенное откровение», поскольку одно из его значений — «вспышка молнии». Даже в случае краткости такой «вспышки» дальнейшие действия человек предпринимает уже имея в виду понимание сути происходящего или искомого недостающего образа (как после проявления контуров объектов при вспышке в темноте, уже понятно, где что находится, и можно, например, начать двигаться, представляя куда).

Несмотря на визуальные аналогии и коннотации, интуиция как видение «очами разума» не предполагает чувственного зрения [Ильин Е.П., 2009, с. 54; Кичеев А.Г., 2002, с. 257]. Более точно было бы говорить, что постигается «свое собственное» интересующего [Биричева Е.В., 2021, с. 15], у чего нет однозначного чувственного образа, который можно было бы целиком представить. Поскольку собственная суть каждого положения вещей, образа, события и т. д. *единична и уникальна*, в самом акте ее истинного постижения неприменимы конструкции, составляемые неизбежно из эйдосов, универсалий, воображаемых общих форм и т. п. Схватывание сути в Реальном для человеческого творчества далее предполагает работу в Воображаемом и Символическом, результат которой может только *указать на* схваченный смысл. Другому, воспринимающему творческий продукт, придется совершить обратное действие, выйдя с помощью созданного конструкта к передаваемому смыслу (поэтому понимание произведений не гарантировано и невозможно без участного осмысления). В жизненных ситуациях понимание может оставаться не развернутым в воображении и не концептуализированным в словах, однако, как и говорят в таких случаях, человек поступает интуитивно правильно, просто уловив смысл [Ильин Е.П., 2009, с. 67]. Видимо, аналогичное имеет место в жизни развитых животных, поскольку они, безусловно, так или иначе понимают окружающее положение дел (ориенти-

руются в нем и могут совершать успешные действия) [Биричева Е.В., 2024, с. 322–324], однако практически ничего не делают с этим в воображении, просто созерцая, принимая к сведению смысл постигнутого без его выражения [Корнеев С.С., 2024, с. 67]. Человеческое же существо отличается обширным освоением пространства Воображаемого и прохождением в детстве нескольких кризисов, обеспечивающих последовательное развитие самосознания, совести и логических способностей [Биричева Е.В., 2023а, с. 86–87]. В связи с этим на ранних этапах заметна мощная детская интуиция: после открытия самосознания (в 2,5–3 года) с детьми можно философствовать на уровне платоновских диалогов; нередко в дошкольном возрасте у них гораздо большее, чем у взрослых, чутье к языку, специфике и намерениям разных людей и т. д. [Биричева Е.В., 2023а, с. 73, 81]. Как представляется, это во многом связано с «незахламленностью» сознания социальными стереотипами и другими типичными для взрослых конструктами.

Безусловно, человек может постараться с детства сохранить и натренировать способность схватывать самую суть вещей, в том числе, удерживаясь при ней. Тогда ясное видение может длиться, сопровождая творческий процесс, например, написание текста стихотворения или научной статьи [Ильин Е.П., 2009, с. 67; Пуанкаре А., 1983, с. 313–314]. Однако чаще всего озарения краткосрочны, прояснение начинается «вдруг», а творцы описывают эти состояния как приход нужных идей или образов извне и словно помимо их собственных рациональных усилий [Ильин Е.П., 2009, с. 53, 62–63; Мэй Р., 2015, с. 61]. Момент озарения случается не в самом начале, при постановке творческой задачи, и одного только желания нечто действительно понять и создать новое недостаточно; «инсайт» приходит неожиданно после периода сознательных неудачных попыток решения, нередко во время переключения на другие виды деятельности [Ильин Е.П., 2009, с. 47, 54; Мэй Р., 2015, с. 65; Пуанкаре А., 1983, с. 313–314]. «Это выглядит так, словно у нас были закрыты глаза, но когда мы их вдруг открыли, она [реаль-

ность] явилась нам, бесконечно естественная и открытая» [Мэй Р., 2015, с. 72]. Почему же при, казалось бы, непосредственном контакте с реальностью, особенно в рамках научного творчества, многое оказывается непонятным, темным, неизвестным? Наиболее показательны здесь как раз примеры ученых-открывателей, которые свидетельствуют о том, что озарение прорывается в сознание *вопреки* их рациональным размышлениям [Мэй Р., 2015, с. 61; Пуанкаре А., 1983, с. 313]. Так происходит, поскольку сначала они смотрят на объекты своих исследований через призму имеющихся конструктов — известных теорий и подходов, кажущихся правильными. Когда же с их помощью не получается объяснить изучаемое, концентрация на цели (необходимости найти решение проблемы) подсознательно сохраняется во время других дел. Поскольку же в моменты переключения на другое известные схемы отодвинуты из поля зрения, расчищается горизонт для схватывания истинной сути положения вещей, которое они до этого изучали сознательными усилиями, и при должной чуткости «инсайт» может неожиданно посетить творца в такой момент.

2. «Прописка» интуиции в ряду психических процессов

Анализируя свидетельства ученых об их открытиях и сопоставляя их со своим исследовательским опытом, известный экзистенциальный психолог Ролло Мэй подтверждает, что «если мы слишком инертны, догматичны или привязаны к своим установкам, то никогда не позволим новому элементу войти в наше сознание» [Мэй Р., 2015, с. 65–66]. Он также подчеркивает, что для творчества губительны информационный шум современного общества и паническое желание людей быть все время чем-то занятыми [Мэй Р., 2015, с. 70–71]. Также серьезнейшей помехой творчеству является страх разрушения имеющихся конструктов [Мэй Р., 2015, с. 62–63], связанный с кажущимся шатким положением, боязнью остаться без опоры в хаосе естества реальных явлений. Эти страхи может усиливать ощущение ответственности как за разрушение разделяемых другими сте-

реотипов, так и за точность выражения увиденного истинного положения дел. Поэтому у творца должны быть развиты такие личностные качества, как мужество и доверие к себе в отношении чистого видения в свете истины [Биричева Е.В., 2023б, с. 12]. Говоря о важности для творчества «способности к *конструктивному использованию одиночества*» [Мэй Р., 2015, с. 70], Р. Мэй подчеркивает, что интуитивное схватывание — феномен индивидуальный. Несомненно, вдохновлять на собственное творчество могут другие [Ильин Е.П., 2009, с. 53–54], и, более того, способы выражения смысла усваиваются только в общении. Однако ничто не в силах заменить индивидуальное усилие осмысления, требующее, во-первых, личной вовлеченности, искренней заинтересованности [Мэй Р., 2015, с. 65; Пуанкаре А., 1983, с. 315], и, во-вторых, «выныривания над» плоскостью информационного шума, стереотипов и т. п.

Таким образом, интуиция — феномен не коллективный, иначе, например, если несколько учеников поняли доказательство в области геометрии, это означало бы, что все остальные в классе его тоже поймут; на деле же наблюдаются феномены непонимания (причем они могут быть отнюдь не связаны с неосведомленностью по поводу логических операций, используемых понятий и отдельных элементов доказательства). Тем не менее, в литературе можно встретить объяснения интуиции через работу «коллективного бессознательного» [Ильин Е.П., 2009, с. 72; Чашегорова Н.А., 2009, с. 71–72] и понятие социальной интуиции [Бондаренко А.В., 2024; Кочергин А.Н., 2009, с. 53]. В первом случае речь идет об использовании в процессах понимания и творчества общих априорных форм, архетипов и т. п., что не отменяет индивидуальности актов обращения к ним. Во втором подразумевается либо эмпатия и умение адекватно воспринимать других [Монаков П.А., 2010, с. 117], либо то, что в философской традиции относят к разделению членами одного общества мировоззренческих оснований их культуры [Бондаренко А.В., 2024, с. 127, 129, 131; Карпенко И.А., 2023, с. 76–77]. Однако представляется не совсем удачным го-

ворить об интуиции, разделяемой с кем-то, поскольку она — не содержание (которое разделяется как раз в качестве типичного), но *способность* личного выхода к истинной сути каждый раз уникальных положений дел, содержаний и всего озадачивающего.

Нельзя также не согласиться с Пуанкаре в том, что интуиция «не основывается неизбежно на свидетельстве чувств; чувства скоро оказались бы бессильными; мы не можем, например, представить себе тысячеугольник и однако же интуитивно рассуждаем о многоугольниках вообще, а они включают в себя как частный случай и тысячеугольник» [Пуанкаре А., 1983, с. 163]. Такие категории, как бытие, добро, красота и т. д. и вовсе не встречаются сами по себе в действительности, поэтому чувственное восприятие не помогло бы в их постижении. Тем не менее, мы способны о них рассуждать и в этих категориях оценивать переживаемый опыт. Так же, например, «в йоге под интуицией понимается непосредственное знание, которое не зависит от данных, поступающих через органы чувств» [Корнеев С.С., 2024, с. 69]. Когда же в обыденной речи интуиция называется «предчувствием» или «шестым чувством», видимо, подчеркивается схожесть с чувственным зрением и при этом кардинальное отличие от дискурсивного мышления, последовательно конструирующего или разбирающего конструкты в воображении. Если же рациональному противопоставлять эмоционально-чувственную сферу (включая не только ощущения и переживания, но и страхи, желания и т. п.), то интуицию было бы не совсем корректно относить к иррациональным феноменам. Ничто не мешает этой способности иметь дело с чувственными образами, брать в расчет страхи, желания, переживания, не перенимая их иррациональную природу. Пожалуй, путаница в отнесении интуиции к чувственному или рациональному обусловлена не ее сложностью, а, напротив, *простотой* элементарных актов постижения, которые осуществляются «до» или «по ту сторону от» вторичных разделений на компоненты реального единства живого существа. Философская же традиция, от Платона и

Аристотеля и до конца XIX — начала XX вв., не противопоставляла интуитивное схватывание разуму и не относила его к сфере чувств [Карпенко И.А., 2023, с. 85–86; Кичев А.Г., 2002, с. 248]. Наиболее показательно в этом отношении известное определение Р. Декарта, «где он называет интуицию отчетливым пониманием ясным умом объекта познания» [Карпенко И.А., 2023, с. 75].

В связи с иррациональным и бессознательным интуиция начала вызывать специальный интерес исследователей лишь в последние пару столетий [Ильин Е.П., 2009, с. 64; Чашегорова Н.А., 2009, с. 73]. Однако рациональное и иррациональное — не синонимы сознательного и бессознательного. Мы можем отдавать себе отчет в испытываемых чувствах, страхах, желаниях, но можем и не осознавать, как осуществляются в нас разумные процессы. Поскольку же озарение приходит внезапно и часто не во время целенаправленных творческих усилий, большинство исследователей полагают, что в моменты откладывания работы над задачей идет бессознательный поиск решений, потом результат приходит в готовом виде в сознание [Мэй Р., 2015, с. 58–73; Пуанкаре А., 1983, с. 314–315]. Некоторые и вовсе определяют моменты вдохновения как «перекладывание» из бессознательной сферы в сознание [Ильин Е.П., 2009, с. 45]. Безусловно, интуитивное схватывание осуществляется в режиме открытости истинному положению вещей. Отсюда ощущение, как это обозначает Св. Августин: «Я не сам думаю, мои мысли думают за меня» [Ильин Е.П., 2009, с. 62]. Но так происходит именно постольку, поскольку в моменты озарения мы (целенаправленно или ввиду переключения на другое) не позволяем конструктам вмешиваться в интересующее естественное положение дел. Благодаря этому мы получаем возможность выйти в такое измерение, в котором все, что от нас требуется, — внимать, дав вещам самим «говорить». Так, «почти общим местом у поэтов оказывается утверждение, что творчество происходит у них как бы само по себе, под чью-то диктовку. Процесс поэтического творчества не удаётся

произвольно вызвать, его результат не соответствует ожиданию» [Ильин Е.П., 2009, с. 67]. Нередко связываемое с этим самими творцами приписывание вдохновения Божественным или демоническим силам [Ильин Е.П., 2009, с. 63] — следствие того, что содержания не созданы специальным личным фантазированием (конструированием). Однако, как представляется, не стоит умалять заслуг автора, поскольку он совершает над собой усилие, настраиваясь на чистое видение и выделение нужного, после чего только и может сложиться продуктивный конструкт (средства же в этом измерении видения смысла уже всегда под рукой).

Говоря о сознательном или бессознательном характере интуиции, следует, конечно же, определиться, как понимать сознание и бессознательное в данном контексте. Как пишет Мэй Р.: «Когда я пользуюсь выражением “бессознательное”, то употребляю его для краткости. Не существует “бессознательного” как такового — скорее существуют бессознательные измерения (аспекты, источники) опыта. Я определяю бессознательное как *возможности осознания или возможности действий, которые личность не реализует или не может реализовать*» [Мэй Р., 2015, с. 58]. Соответственно, сознательными можно назвать явления, на которых внимание сосредоточивается и удерживается, в то время как текущие параллельно процессы вне этого поля зрения можно называть бессознательными. Некоторые из них, например, связанные с автоматической естественной регуляцией тела, могут никогда не стать осознанными и контролируемыми, хотя в некоторые человек может сознательно вмешиваться (к примеру, корректировать дыхание, походку и т. п.). Тогда, пожалуй, сама интуиция, осуществляемая простыми актами, оказывается на границе сознательного и бессознательного, но поскольку она нацелена на смысл, схватывание его всегда уже сознательно, ведь на него сразу обращается внимание. Так же не может быть чистое видение, внимательное всматривание (как определяют интуицию, в том числе, исходя из этимологии слова) неосознаваемым. Приход решения или нужного образа «вдруг» и «извне»

связан с предшествующей «закрытостью»: объяснение закономерности у ученого или нужный образ у художника не складываются, когда перед «очами разума» не то — неподходящая гипотеза или надуманное содержание. В периоды же отдыха от задачи, когда творец подсознательно сосредоточен на поиске решения и не снимает экзистенциально значимую цель, даже переключившись на другие содержания, непродуктивные конструкты не актуализируются, поэтому появляется возможность увидеть нужное.

Однако позволим себе не согласиться с Пуанкаре в том, что в бессознательном происходит перебор бесчисленного числа комбинаций, из которых затем выбираются наиболее удачные [Пуанкаре А., 1983, с. 318–319]. Для живой системы, занятой регуляцией своего телесного присутствия в мире, это было бы слишком энергетически затратно. Скорее, нужное приходит путем расчистки горизонта или отсеечения ненужного и неработающего, а вот это как раз и может происходить бессознательно, т. е. вопреки сознательным желаниям «закрыть гештальт» чем-то неподходящим. При этом нельзя умалять значение *сознательной дискурсивной работы*: она нужна и важна не только, чтобы погрузиться в контекст, но и для настройки чистого видения, критического отношения как к расхожим мнениям и стереотипам, так и к личным привычным ходам мысли, иллюзиям, желаниям. Для выхода к истине как бы требуется дистанцироваться от «я» и от «мы», бескорыстно отдавая себя чистому пониманию. Поэтому взрослый человек не может в своем бытии опираться на одну лишь интуицию. Чистое видение не обеспечено из-за того, что страхи, желания, настроения, переживания, готовые удобные решения, социальные стереотипы и т. д. постоянно «наполняют» нас ввиду нашего внутримирного телесного существования и сосуществования с другими: приходится постоянно совершать «сизифов труд» по настройке своего «внутреннего взора». Так, пожалуй, правильнее было бы говорить, что не озарение приходит в сознание из бессознательного, но происходит концентрация внимания

поверх пространства всех текущих через нас процессов, как бы «выныривание над» всем. В свою очередь, это невозможно без дистанцирования от конструкторов (не значит, их разрушения или потери, просто оставления) и сосредоточения до одного только «умного зрения», которое не примысливает к действительности лишнего.

3. К вопросу о моделировании интуиции в искусственных системах

Разбор природы интуиции показывает, что на данном уровне развития искусственных интеллектуальных систем (ИИС) не представляется возможным реализовать этот компонент творческой деятельности. Трудности связаны с действительной сущностью интуиции — схватыванием каждый раз уникального и при этом целостного *смысла* образов, явлений, ситуаций и всего, с чем существо имеет дело в общем контексте внутримирного бытия. Поэтому, с одной стороны, играет роль природа самого смысла [Биричева Е.В., Стерхов, 2019, с. 394–395]: его невозможно зафиксировать и сохранить во времени, его не передать «из головы в голову», на его видение можно только указать другим с использованием средств Воображаемого и Символического. Мы даже не можем описать, «как выглядит смысл», можем только апеллировать к знакомым каждому человеку актам понимания. Возможно, смысл больше похож не на предметы или образы, а на свет, в «лучах» которого мы видим Реальное, Воображаемое и Символическое и можем с ними работать (а когда не видим, то и не получается ничего продуктивного). Но как оглянуться на этот свет, выйти к нему самому и его самого выразить, не «ослепнув» при этом, словно выходцы из платоновской пещеры? Возможно, мы лишь можем этим пользоваться (отчего и ощущение не нашей заслуги в достижении понимания), но как туда же подключить машину — большой вопрос.

С другой стороны, ввиду такой особой сущности интуиции, схватывающей *каждый раз уникальное* «свое собственное» интересующего, пока не ясно, как имитировать даже ее подобие. Различные современные математические модели «узкого» ИИ, осуществляющие генерацию кон-

тента, «умный поиск», распознавание, навигацию и т. д., говоря обыденным языком, не имеют души или, более точно, не похожи на живые системы, обладающие волей и ориентирующиеся в действительности в опоре на априорные критерии успешности опыта [Биричева Е.В., 2024, с. 322–325]. Большинство известных современных ИИС представляют собой нейросети, построенные на выделении частотности элементов в базах данных, на которых проводится их машинное обучение [Биричева Е.В., 2025, с. 131–132]. Так, к примеру, имитация обыденной речи большими языковыми моделями (такими как ChatGPT, Gemini, DeepSeek, Яндекс Алиса, Сбер ГигаЧат и т. д.) опирается на наиболее привычные языковые коллокации, поэтому машинный текст нередко с первого взгляда кажется убедительным даже в случае неверного содержания [Биричева Е.В., 2025, с. 145]. Но и в случае правильного содержания за счет принципа токенизации в таких предложениях исключаются моменты уникальности, а наделить символическое выражение смыслом, проассоциировав его с воображаемыми формами и коррелятами в действительности, может все равно только человек [Биричева Е.В., Стерхов Е.В., 2019, с. 394]. Следовательно, актов понимания единичных смыслов не достичь лишь путем построения универсальных символических конструкций (в том числе, оторванных от сфер переживания Реального и соотнесения с формами Воображаемого).

Машины не рождаются по природе, поэтому не озабочены телесным внутримирным существованием, чтобы для своей жизни нечто пытаться понимать для приспособления к миру. Такая озабоченность невозможна без воли — базовой характеристики всего живого, которая, в свою очередь, — тоже простой феномен (бессодержательная собранность на той или иной цели), и также пока совершенно не ясно, как моделировать подобное [Биричева Е.В., 2024, с. 324–325]. Кроме того, любое живое существо имеет доступ к внеопытным формам оценивания своего опыта (нужное-ненужное, полезное-вредное, достаточное-недостаточное и т. п.) [Биричева Е.В., 2024, с. 324–325]. Без примеривания к

таким критериям, без оценки «попадания» в истинное, красивое, полезное, плодотворное и т. д., невозможно и подлинное творчество, отсекающее в процессе ненужное, неподходящее, плохое, бесполезное и т. д. К примеру, как пишет Пуанкаре, отказывая машинам в возможности математического творчества, последнее «заключается не в создании новых комбинаций с помощью уже известных математических объектов. Это может сделать мало ли кто; но число комбинаций, которые можно найти этим путем, было бы бесконечно, и даже самое большое их число не представляло бы ровно никакого интереса. Творчество состоит как раз в том, чтобы не создавать бесполезных комбинаций, а строить такие, которые оказываются полезными; а их ничтожное меньшинство. Творить — это отличать, выбирать» [Пуанкаре А., 1983, с. 312]. Соответственно, для схватывания нужного, помимо способности видеть смыслы, выходить на этот уровень с чисто информационного, должны быть доступны априорные критерии оценивания. Последние представляют собой нечто вроде общих для всех живых существ эйдосов и, поскольку они не выводятся из индуктивных обобщений, неизбежно строящихся на конечных выборках, пока не ясно ни как «вложить» эти ориентиры в искусственную систему, ни как ее настроить на самостоятельное их открытие [Биричева Е.В., 2024, с. 323–324].

Заключение

Таким образом, в результате проведенного анализа можно определить интуицию как схватывание каждый раз уникального и единичного истинного смысла (собственной сути) интересующего положения дел, предмета, образа, события и т. д. в общем контексте внутримирного бытия. Интуитивное понимание при этом неотделимо от одновременной легитимации найденного смысла в качестве нужного, подходящего, «того самого». Творчество невозможно без таких актов, составляющих «бэкграунд» всего процесса работы, которая на огромную долю заключается также и в «расшифровке» увиденного в момент озарения, подборе и шлифовке средств выражения понятого. «Локализацию» интуиции в жизни индивида можно резюмировать как «умную

хватку», присущую самой душе как целостному способу бытия, как некой динамической границе, через которую протекает множество процессов и в которую входит множество содержаний. Так, мгновенность интуитивного постижения, скорее всего, связана не со скрытостью бессознательных процессов, а с природой акта схватывания, который в единичном «броске» постигает смысл интересующего сразу весь «в целом» (поскольку сам смысл неделим и его нельзя понять «по частям»). Это целенаправленная способность, задействующая все существо, — и восприятие, и разумную оценку, и волю для концентрации на беспокоящем незакрытом гештальте на всех уровнях сознательного и бессознательного, рационального и иррационального, — но не принадлежащая полностью ни одному из них.

Говоря о возможности искусственного имитирования интуиции, скорее всего придется в этом отказать текущему уровню разработки систем «узкого» (или «слабого») ИИ, построенных на частотном анализе «больших данных» и генерировании контента по результатам такого машинного обучения. Интуиция не есть выделение частотности в конечных выборках и составление элементов (конструирование из общих форм), она представляет собой схватывание уникальных смыслов, доступа в измерение которых у искусственных систем нет, и как их вывести к пониманию, пока не известно. Кроме того, современные ИИС лишены таких базовых для продуктивной самостоятельной деятельности характеристик живых систем, как воля и доступ к априорным критериям оценки опыта, искусственное имитирование которых пока также представляет собой нерешенную задачу. Тем не менее, хотелось бы надеяться, что условия интуитивного мышления, систематизированные в основной части настоящей работы, помогут хотя бы гипотетически предположить характеристики возможных будущих ИИС, способных к подлинному творчеству и, видимо, построенных на альтернативных коннекционизму принципах.

Список литературы

Бибихин В.В. Витгенштейн: смена аспекта. Москва: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 576 с. EDN: QWITRH

Биричева Е.В. Искусственные интеллектуальные системы и проблема опыта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. № 3. С. 317–327. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-317-327>

Биричева Е.В. Как популярные нейросети справляются с различными заданиями по социально-гуманитарным дисциплинам (по материалам эмпирического исследования) // Философия образования. 2025. Т. 25, № 3. С. 129–151. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20250309>

Биричева Е.В. Онтология раннего детства в трудах В.В. Бибикина // Философия образования. 2023а. Т. 23, № 3. С. 71–90. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20230305>

Биричева Е.В. Поиск «своего» как основополагающая экзистенциальная проблема современности // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4, № 4. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-4-6-27> EDN: PHBBSO

Биричева Е.В. Экзистенциальный смысл доверия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023б. Т. 39, № 1. С. 4–17. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.101> EDN: GHXEUZ

Биричева Е.В., Стерхов Е.В. Парадоксальность творческой деятельности и интеллектуальные системы: поиск альтернатив информационному подходу // Российский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 6. С. 390–402. DOI: <https://doi.org/10.15643/libartrus-2019.6.2> EDN: YNFTAJ

Бондаренко А.В. Социальная интуиция человека как социальный факт в действии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13, № 9–1. С. 126–141. EDN: BSAWWC

Густова Е.В. Интуиция и бессознательное в психической реальности субъекта и архаическом обществе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2024. Т. 13, № 12-1. С. 50–55. EDN: ZSNHAP

Евстропов В.М. Логика научного познания и интуиция // Заметки ученого. 2023. № 8. С. 284–287. EDN: LFOUJJ

Ильин Е.П. Психология творчества, креативности, одаренности. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 444 с. EDN: QXYQIH

Карпенко И.А. Логика многомировых моделей и интеллектуальная интуиция // Философия науки. 2023. № 1(96). С. 70–94. DOI: <https://doi.org/10.15372/PS20230105> EDN: AKGYJD

Кичеев А.Г. Интуиция // Мир психологии. 2002. № 1(29). С. 248–262. EDN: RBJCFQ

Корнеев С.С. Интуиция как особое состояние сознания и непосредственное знание реальности // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2024. № 2(50). С. 65–74. EDN: STGFSA

Кочергин А.Н. Научное творчество как объект исследования // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. 2009. № 142. С. 47–55. EDN: KXVKJV

Монаков П.А. Перцептивная интуиция как составляющая гармоничного интеллекта профессионала // В мире научных открытий. 2010. № 5–2(11). С. 116–119. EDN: NDEALD

Мэй Р. Мужество творить. Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 152 с.

Полани М. Личностное знание. Москва: Прогресс, 1985. 346 с. EDN: SXRQRX

Пуанкаре А. О науке. Москва: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1983. 560 с.

Словарь «Глаголь». URL: https://pervobraz.ru/slova/article_post/intuitsiya (дата обращения: 23.09.2025).

Чащегорова Н.А. Интуиция как феномен бессознательного в творческом процессе // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 4(13). С. 70–74. EDN: MSOUFP

References

Bibikhin, V.V. (2005). *Vitgenshteyn: smena aspekta* [Wittgenstein: change of aspect]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 576 p.

Biricheva, E.V. (2024). [Artificial Intelligent systems and the problem of experience]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 317–327. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-3-317-327>

Biricheva, E.V. (2023). [Existential sense of trust]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies].

Vol. 39, no. 1, pp. 4–17. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.101>

Biricheva, E.V. (2025). [How popular neural networks cope with various tasks in the social sciences and humanities (an empirical research)]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education]. Vol. 25, no. 3, pp. 129–151. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20250309>

Biricheva, E.V. (2023). [Ontology of early childhood in the works of V.V. Bibikhin]. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of Education]. Vol. 23, no. 3, pp. 71–90. DOI: <https://doi.org/10.15372/PHE20230305>

Biricheva, E.V. (2021). [Search for “the own” as a fundamental existential problem of contemporariness]. *Tsifrovoy uchenyy: laboratoriya filosa* [The Digital Scholar: Philosopher’s Lab]. Vol. 4, no. 4, pp. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2021-4-4-6-27>

Biricheva, E.V. and Sterkhov, E.V. (2019). [Intelligent systems and the paradoxicalness of creative activity: in search for alternatives to the informational approach]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Liberal Arts in Russia]. Vol. 8, no. 6, pp. 390–402. DOI: <https://doi.org/10.15643/libartrus-2019.6.2>

Bondarenko, A.V. (2024). [Human social intuition as a social fact in action]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy about the World and Human]. Vol. 13, no. 9–1, pp. 126–141.

Chashegorova, N.A. (2009). [Intuition as a phenomenon of the unconscious in the creative process]. *Srednerusskiy vestnik obschestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. No. 4(13), pp. 70–74.

Evstropov, V.M. (2023). [The logic of scientific knowledge and intuition], *Zametki uchenogo* [Notes of Scientist]. No. 8, pp. 284–287.

Gustova, E.V. (2024). [Intuition and the unconscious in the psychic reality of the subject and archaic society]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology: Historical and Critical Reviews and Current Researches]. Vol. 13, no. 12–1, pp. 50–55.

Il’in, E.P. (2009). *Psikhologiya tvorчества, kreativnosti, odarennosti* [Psychology of creativity, creativity, and giftedness]. St. Petersburg: Piter Publ., 444 p.

Karpenko, I.A. (2023). [Logic of multiverse models and intellectual intuition]. *Filosofiya nauki*

[Philosophy of Science]. No. 1(96), pp. 70–94. DOI: <https://doi.org/10.15372/PS20230105>

Kicheev, A.G. (2002). [Intuition]. *Mir psikhologii* [The World of Psychology]. No. 1(29), pp. 248–262.

Kochergin, A.N. (2009). [Scientific creativity as an object of research]. *Nauchnyy vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta grazhdanskoy aviatsii* [Civil Aviation High Technologies]. No. 142, pp. 47–55.

Korneenkov, S.S. (2024). [Intuition as a special state of consciousness and direct knowledge of reality]. *Chelovecheskiy faktor: Sotsial’nyy psikholog* [Human Factor: Social Psychologist]. No. 2(50), pp. 65–74.

May, R. (2015). *Muzhestvo tvorit’* [The courage to create]. Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy Publ., 152 p.

Monakov, P.A. (2010). [Perceptual intuition as a component of the harmonious intelligence of a professional]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the World of Scientific Discoveries]. No. 5–2(11), pp. 116–119.

Poincaré, H. (1983). *O nauke* [About science]. Moscow: Nauka, Glavnaya redaktsiya fiziko-matematicheskoy literatury Publ., 560 p.

Polanyi, M. (1985). *Lichnostnoe znanie* [Personal knowledge]. Moscow: Progress Publ., 346 p.

Sementsov, V.V. (ed.). [Intuition]. *Internet-Slovar’ “Glagol”* [Internet Dictionary “Glagol”]. Available at: https://pervobraz.ru/slova/article_post/intuitsiya (accessed 23.09.2025).

Strawson, G. (1994). *Mental reality*. Cambridge, MA: The MIT Press, 360 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/4551.001.0001>

Tye, M. (1995). *Ten problems of consciousness: A representational theory of the phenomenal mind*. Cambridge, MA: The MIT Press, 264 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/6712.001.0001>

Tye, M. and Wright, B. (2011). Is there a phenomenology of thought? *Bayne T., Montague M. (eds.) Cognitive phenomenology*. New York: Oxford University Press, pp. 326–344. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199579938.003.0014>

Urmantseva, A. (2025). [Trained to produce 500 million scientific articles and patents. A non-hallucinating AI, «Nikola», has been created in Russia]. *Gazeta.Ru*. Jul. 13. Available at: <https://www.gazeta.ru/science/2025/07/13/21358208.shtml> (accessed 23.07.2025).

Об авторе

Биричева Екатерина Вячеславовна

кандидат философских наук,
научный сотрудник

Институт философии и права УрО РАН,
620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16;
e-mail: ek.v.bir@gmail.com
ResearcherID: F-2980-2016

About the author

Ekaterina V. Biricheva

Candidate of Philosophy, Researcher

Institute for Philosophy and Law, Ural Branch, Russian
Academy of Sciences,
16, S. Kowalevskaya st., Ekaterinburg, 620108, Russia;
e-mail: ek.v.bir@gmail.com
ResearcherID: F-2980-2016